

РАЗДЕЛ 1

РОССИЯ В КОНТЕКСТЕ МИРОВЫХ ПЕРЕХОДНЫХ ПРОЦЕССОВ В КОНЦЕ XX ВЕКА

1.1. Переходный период как смена парадигмы общественного развития

Вторая половина XX века проходит под знаком переоценки возможностей форсированного рывка в развитии общества в рамках тоталитарного политического устройства, называемого государственным социализмом. Теоретические разработки, реальные и мнимые возможности, а главное, практика подобной модели развития практически исчерпали себя, и большинство стран мира, следовавшие ей, вступили в эпоху перехода от одного типа эволюции, основанного на принудительно направляемой экономике и огосударствлении всех сфер общества, к другому, в основе которого — рыночные механизмы и стимулы и демократическое устройство. Некоторые страны продемонстрировали другие пути совершенствования общества и получили не столь удручающие результаты, существуют и успешные варианты трансформаций в ряде стран мира. Это дает надежду, что и в России возможно использовать поучительные аспекты чужого опыта. Россия не только не стоит в стороне от происходящих в мире переходных процессов, но и сосредоточивает внутри и вокруг себя все те же проблемы, которые возникают по их поводу. Вполне естественно, что проблемы России, занимавшей центральное и доминирующее место в системе стран, шедших по социалистическому пути развития, наиболее близко сопрягаются с проблемами постсоциалистических стран Центральной и Восточной Европы.

Переход России и других восточноевропейских стран к новой парадигме развития объективно обусловлен всем ходом эволюции этих стран. К середине 80-х годов здесь до предела обострился системный кризис, охватывающий экономику, политику, социальную и культур-

ную сферы. Возможности системы к саморазвитию в условиях индустриального этапа цивилизации были полностью исчерпаны, а переход к постиндустриальному этапу был блокирован жесткой государственной системой, осуществляющей тотальный контроль над всеми сферами общества, исключающий их автономное развитие. Нарастало отставание от уровня западных стран, вступивших в эпоху постиндустриализма. Исторический спор социализма и капитализма был проигран. С ликвидацией доминирования Советского Союза в социалистической системе стран перед последними встали проблемы либерализации экономики, политики, идеологии. Большинство стран с большим энтузиазмом вступили на этот путь, но результаты по истечении нескольких лет реформ оказались весьма различными. Можно согласиться с оценкой большинства специалистов, что в Чехии, Польше, Венгрии и Словении (а некоторые считают, что и в Словакии) процесс экономических реформ был и остается до сих пор менее болезненным и тяжелым, чем в других постсоциалистических странах, и в этих же странах более благоприятные перспективы стабилизации демократии¹. Лишь названные пять из двадцати семи постсоциалистических стран более-менее успешно осуществляют неолиберальную трансформацию, а в большинстве стран принятая модель реформирования привела к углублению кризиса, расшатыванию основ государства, отбросила общество к уровню слаборазвитости.

Весьма показательно, что каждая из более менее благополучных стран к началу реформ помимо двух общих предпосылок, во-первых, сохранение при плановой системе в том или ином объеме рыночного сектора экономики и, во-вторых, наличие социальных групп, имеющих рыночную психологию, имела и свои собственные предпосылки быть более продвинутой к рынку и мировой экономической системе. Скажем, в Венгрии достаточно долго проводилась политика благоприятствования арендным отношениям и развитию акционирования (с начала 80-х годов на рынке существовало уже более 40 видов ценных бумаг). Для создания конкуренции еще в условиях социализма шло разукрупнение предприятий-гигантов, расширялось поле свободных цен, либерализировалась внешняя торговля и поощрялся иностранный капитал, шлифовался налогово-кредитный механизм. К 1985 г. все хозяйственные блоки предприятий управлялись здесь только индикативными регуляторами. И все же даже в Венгрии монетаристские реформы вызвали спад производства, рост безработицы, инфляцию, дефицит бюджета².

В Чехии до начала либеральных реформ в течение 25 лет последовательно повышались цены на энергоносители, что приблизило эту стра-

ну к структуре мировых цен и при либерализации экономики финансовая дестабилизация была не столь разрушительна как в России и других постсоциалистических странах. Уже к 1993 г. здесь наблюдалось оживление производства и рост реальных доходов населения.

Нельзя не учитывать и то обстоятельство, что сейчас только некоторые страны получают полноценную помощь Запада для модернизации своих экономик. Так, 70% всех средств 24-х самых развитых стран Запада были получены Польшей, Венгрией и Чехией для создания финансового рынка и трансформации собственности³.

В России же сосредоточены наиболее сложные проблемы переходного периода. Государственный социализм имел здесь самую долгую историю, за которую была создана прочная, даже жесткая конструкция, исключая автономия экономики, идеологии, культуры, духовной жизни. Огосударствление приобрело столь впечатляющие размеры, что ни одна из подсистем общества не могла быть реформирована без того, чтобы не затронуть все остальные. Именно это обстоятельство требовало иной стратегии трансформации, чем в других постсоциалистических странах, имеющих для либеральных реформ отмеченные выше предпосылки. Но эта стратегия не была вовремя разработана и реально была применена стандартная либеральная реформа, не учитывающая многие особенности российского общества. Поэтому современное переходное состояние в России можно охарактеризовать как глубочайший кризис, в котором оказалось общество не только в результате предыдущего развития, но и вследствие осуществляемого реформаторского курса. Два совпавших по времени процесса — реформы и кризис — создали своего рода порочный круг, выбраться из которого обществу все труднее. Это дало основание Н.И.Лапину рассматривать современное состояние российского общества как патологический социокультурный кризис, который, в отличие от нормального кризиса развития, служит формой разложения определенного типа общественных отношений⁴.

И тем не менее хотелось бы не просто ждать, когда российский социум пройдет через распад, нулевую точку, хаос, “смерть”, поскольку, как полагает, например, М.А.Чешков, природа генетически наследованного советского социума в принципе неререформируема⁵, а попытаться понять, действительно ли положение России столь катастрофично, каковы возможности выхода из кризиса и каков оптимальный путь движения нашей страны к современной цивилизации. Тем более, что катастрофизму в оценке современного состояния и исторического будущего России противостоит достаточно плотный круг дискурсов, посвященных позитивной разработке проблем

трансформации России в контексте мировых переходных процессов⁶. Хотя надо признать, что проблемы трансформации российского общества применительно к современной ситуации только начинают разрабатываться, тогда как историософские исследования предыдущих трансформаций уже имеют и прочную традицию, и современные достижения⁷.

В современных исследованиях все более активно преодолевается деление обществ по формационному признаку или по способу производства (известная пятичленка) и превалирует рассмотрение единого цивилизационного процесса как глобального движения от традиционного общества к современному. Соответственно разрабатываются и теоретические модели, которые могли бы выступать как социальные проекты такого движения. Наиболее распространены теории модернизации (во множестве вариантов), теории зависимого развития и изоляционистские теории. Несмотря на разность подходов, используемых механизмов и движущих сил в предлагаемых проектах и другие отличия, априори большинство авторов исходят из того, что модернизированное, современное общество обладает качественным преимуществом перед традиционным: по уровню жизни населения, по степени свободы и защищенности человека, по развитию демократии и способности общества решать проблемы и конфликты ненасильственным путем. Традиционное общество по преимуществу аграрное общество, оно основано на простом воспроизводстве, ручном труде, низком динамизме социокультурных процессов. Современное, модернизированное общество отличается от традиционного нормой накопления ресурсов для расширенного воспроизводства, в его материальной основе лежит индустриальное и постиндустриальное производство, реально существует плюрализм культур и духовности, динамично развивается социальная сфера.

Традиционное и современное общества характеризуются принципиальной разницей в поведении и взаимоотношениях людей, которая и определяет их динамизм, их стабильность и их развитие. Первый тип функционирует на основе выработанных норм, традиций и обеспечивает успех тем, кто им следует и способствует их сохранению. Второй тип общества — современный — зиждется на инновационном поведении, ломающем устоявшиеся нормы, связи, отношения.

В процессе длительного исторического развития современное общество сформировало институты, нормы и ценности и соответствующие ему типы экономической, политической, правовой и социальной организации. Их наличие предоставляет индивиду достаточно свободы делать свой выбор и реализовывать свои потенции, четко

осознавать свои права и интересы, а также действовать в соответствии с рационально поставленной целью.

Разумеется, что большинство существующих стран не могут претендовать на то, что в них присутствуют исключительно только современные или традиционные системы и отношения. Речь в данном случае идет о том, какие доминируют в конкретном обществе, в частности, какие модели поведения людей — традиционные или современные, определяют его развитие. Мир как глобальная система, рассмотренный с точки зрения современного и традиционного, предстает как сложный конгломерат обществ, которые уже стали модернистскими, или находятся на различных ступенях движения к современности, а также застывших в своем традиционализме, даже в предельно архаичных формах. Безоговорочно к современным относятся страны Западной Европы, США, Канада, Австралия, Япония. Хотя надо заметить, что именно Япония демонстрирует тот сплав современности и традиционности, который поколебал уверенность многих исследователей в однолинейности процесса перехода от традиционного к модернистскому обществу.

Что же создает тот тип общества, который получил название современного? Наряду с констатацией того, что экономическое развитие в нем не может происходить без соответствующего уровня политической демократии, развитого гражданского общества, правовой, культурной и личностной защищенности индивида, есть все же тот универсальный механизм, который создает объективные основы для функционирования современного общества и определяет его отличие от традиционного.

Таким универсальным механизмом, “сделавшим” современное общество, является рынок. И сейчас главное противостояние современного и традиционного общества проходит по линии рынок — традиция, ритуал⁸.

Для обществ современного типа рынок является основным пространством, где индивид или группа людей могут преследовать свои частные интересы. При этом рынок не следует понимать в чисто экономическом смысле. Рынок является универсальным интегративным механизмом, регулирующим не только производство и распределение материальных благ, но и любые социальные роли. Адам Смит понятие рынка связывал не столько с формами хозяйственного обмена, сколько с особым рода субъектом — “экономическим человеком”. Для последнего универсальным и безусловным императивом повседневного поведения в хозяйственной, политической и духовной сферах жизни является достижение частных интересов.

В отличие от современного традиционное общество функционирует на основе устоев, привычек, традиций, некоторого универсального образа действий. Подобно рынку традиция не просто бытовой или хозяйственный институт, но универсальный интегративный механизм, организующий любые социальные роли. В традиционном обществе норма, традиция определяет собой ту единственную и саму собой разумеющуюся форму, в которой личность или общность может выразить свои частные интересы, и это делает невозможным их переживание в качестве рациональной цели, предмета внутренней рефлексии или же внешнего принуждения. Какие бы частные интересы человек традиционного общества ни преследовал, он прежде всего занят поддержанием всеобщего сакрального порядка — это определяет и непосредственные цели, и конечный смысл его действий.

При всей условности выделенных идеализированных моделей они отражают фундаментальные отличия традиционных и современных обществ, хотя в реальной практике они в той или иной мере объединены и встречаются в чистом виде не часто. С этим связана и проблема интерпретации современных мировых процессов — идут ли они в направлении постепенного перерастания обществ традиционного типа в общества современные, или же процесс более сложен, скажем, даже в силу того, что именно традиционные общества обладают феноменальной устойчивостью и именно эта форма человеческого общества была реализована в мире в наиболее законченном виде. Да и в количественном отношении традиционные общества преобладают в мире.

Эти обстоятельства, как и многозначность и многообразность опыта перехода от традиционного к современному обществу, заставляют усомниться в правильности рассмотрения развития как однонаправленного процесса, следующего по формационным делениям. А. Кара-Мурза предложил своего рода точную метафору — развитие как “цивилизационный веер”, развертывающийся между крайними полюсами — “этатистско-общинным” и “индивидуально-собственным”. “Каждый цивилизационный луч равноправен в историческом смысле уже по праву своего бытия”⁹.

В такой интерпретации Россия, уже сделавшая за свою историю несколько решительных шагов к современному обществу (по подсчетам одних авторов их было 3 за последние два века, по подсчетам других — 13 за 400 лет истории российского и советского государства), один из лучей такого веера, который периодически колеблется между полюсами цивилизации. Может ли Россия стать современным обществом, или ей уготовлена роль вечного маятника — вопрос дискуссии.

онный и исторически непредреженный. Как не предрежен он и относительно многих других стран, и не только из “третьего мира”, но и тех, которые ранее составляли мир “второй”, а ныне делают усиленные попытки приблизиться к миру “первому”.

Как писал М.Гефтер, в мире парадоксально сочетается (и противоборствует) неостановимая тенденция, “повсюдно” выравнивающая жизненные потребности и вкусы людей, с *разнонаправленностью* развития, которая, будучи завещана прошлым, ныне выходит наружу — и не в качестве рудимента, постепенно сдающего позиции, а напротив, растет в своей непривычности. “Что же перевесит? — спрашивает историк. Доступно ли если не сразу прочное, устойчивое согласие, то хотя бы перемирие между вестернизированным универсумом, вскормленным единственностью развития, — перемирие между ним и РАЗВИТИЯМИ, множественное число коих выражает собой не просто количество, а сдвиг смысла?”¹⁰.

Исторически сложилось так, что традиционное общество ассоциируется с Востоком, а современное — с Западом, причем имеется в виду не просто географическое пространство, а разные социокультурные феномены. Формирование с XII—XIV вв. н.э. в Западной Европе нового, рационального, рыночного общества, которое затем и было названо “современным”, стало основой западной цивилизации. Складывавшиеся в Западной Европе государства с самого начала были орудием нахождения и сохранения равновесия многих сил — короля и его вассалов, нарождающегося третьего сословия, бюргеров, буржуа. Равновесие сил требовало регуляции отношений. К XIV в. в Англии уже действует парламент, во Франции — Генеральные Штаты, послужившие далее опорой буржуазного развития страны и сравнительно мягким способом окончательного разрушения традиционного общества, не приведшего к возникновению на его руинах тоталитарного государства¹¹. Договорной принцип постепенно утверждался в западных странах, способствуя тому, что европейская цивилизация создавала правовое пространство, где в выгодном положении оказывался более развитый, более образованный и способный индивид.

Отмечая определенное единство западной цивилизации как однотипных институциональных, организационных и ценностных систем, необходимо все же выделить в ней различия собственно европейского и североамериканского идеологических компонентов. Они заключаются в разных представлениях американской и европейской общественной мысли о типах развития в рамках единой западной цивилизации. Для Европы, находящейся в процессе своего объеди-

нения, ключевой стала идея европейской общности, целостности, заключающей в себе многообразие народов и культур. В отличие от предлагаемой США всеобщей универсализации, основанной на либеральной экономической модели, предполагающей растворение народов и наций в некоем “плавильном котле”, приведение их в “однородное состояние”, европейская идея включает в себя признание, что главная задача создания единых общеевропейских структур — сохранение национальных и региональных различий, каждое из которых раскрывает какую-то сторону европейской цивилизации¹². При этом европейская цивилизация рассматривается как культурно-идеологическое целое, основанное на общности истоков, исторической судьбы и наследия. И в этом своем качестве она должна создаваться на глубоких исторических и культурных факторах, на основе подлинных ценностей.

Альтернатива европейского развития основана на возрождении традиционной системы ценностей, внимании к историко-культурным, религиозным, морально-этическим и культурным проблемам. Вновь становится актуальным вопрос о том, что призвание европейской цивилизации — вовлечь в круг общечеловеческих ценностей восточно-европейские страны, в том числе и Россию.

Весьма показательно, что в самой динамике процесса модернизации в Европе некоторые западные ученые видят побудительный мотив, толкающий европейцев к сохранению национальных особенностей и региональных культур. Ассимилирующее воздействие процессов модернизации пробуждает отношение к культуре как к “компенсации темпа перемен”. Диалогичность европейской культуры, ее стремление понять иное культурное разнообразие создают предпосылки для утверждения российского компонента в европейской идентичности, прежде всего посредством культуры и исторической памяти российских и европейских народов.

Характерно, что многие представители западноевропейской общественной мысли усиленно подчеркивают генетическую связь европейской и российской культур, и не только XIX, но и начала XX века. По мнению известного германского политолога Ассена Игнатова, хотя Россия, строго говоря, не относится к западноевропейскому культурному кругу, это не означает непримиримости культур России и Запада. Азиатское (татарское) влияние было несчастьем для России, причинило ей, вопреки утверждениям “еврозийцев”, тяжкий ущерб, однако это влияние не было фактом исконно русским. По своему историческому происхождению Россия — европейская страна, не западноевропейская, но *европейская*. У Западной и Восточной Евро-

пы общие духовные корни — христианские. Таким образом, существует реальный духовный мост между Россией и Западной Европой. Доказательством этого является универсальное значение русской культуры, достижения русской философии, русской науки первых двух десятилетий XX в. В.Соловьев, Н.Бердяев, С.Булгаков, Л.Шестов подлинны духовные братья К.Ясперса, Г.Марселя, М.Хайдеггера, А.Бергсона. В России были талантливые приверженцы плюралистической демократии и рыночного хозяйства (Б.Вышеславцев) и убежденные сторонники либерализма (П.Милюков, П.Струве), защитники правового сознания (П.Новгородцев, Б.Чичерин)¹³.

Вместе с тем по своему геополитическому положению, по этнокультурному сплаву населения, по политической традиции, по распространенности ценностных систем в сознании народа Россия является евроазиатским государством. Этим обусловлены многие сложности и особенности как предыдущих, так и современной модернизации общества. Это же дает основание многим исследователям усомниться в европейской принадлежности России, вообще в ее возможности стать европейским обществом, подобном западным странам¹⁴.

Систематизацию существующих в литературе подходов относительно российской идентичности в координатах “Восток” - “Запад” осуществила В.Г.Федотова¹⁵. Она выделила пять доминирующих точек зрения.

1. Россия находится между Востоком и Западом и не имеет цивилизационной определенности, она лишь колеблется в ту или иную сторону; Россия осуществляет слабый, неустойчивый синтез между Востоком и Западом, постоянно теряя стабильность и цельность;

2. Россия — евразийская страна, в ней осуществлен синтез европейского и азиатского начала, она является плавильным тиглем для славяно-тюркских народов, сформировавших в результате органику российского суперэтноса, его культуру;

3. Россия вовсе не является азиатской страной, она — безусловно европейская страна, находящаяся, однако, в состоянии недостаточной развитости (“отсталая” Европа, “вторая” Европа), но способная преодолеть отсталость и подняться до уровня развитых капиталистических стран;

4. Россия представляет собой часть восточноевропейской цивилизации;

5. Россия обладает собственной цивилизационной особенностью, которая ярче всего представлена ее провинцией.

В этих точках зрения доминируют две позиции. Одна изолирует российское развитие (почвенничество, в том числе славянофильское

и евразийское) и другая — западничество, определяющее Россию как отсталую Европу.

Другой ракурс определения места России в общемировом развитии предложил английский социолог Т.Шанин¹⁶. Он считает, что Россия рубежа XIX и XX в. была первой в новой истории страной, в которой материализовался социальный синдром, называемый ныне “развивающимся обществом”. Именно здесь была поставлена под вопрос абсолютная ценность западноевропейского опыта для всего остального человечества. Уже начиная с эпохи Петра I европеизация России усиливалась в русской государственной системе как раз ее “не-европейские” элементы. По сути дела для того и использовались достижения Запада. К примеру, русская государственная служба создавалась по немецко-датским образцам XII—начала XIII в. Но в Европе становление “правильно организованного” аппарата государственного управления означало завершение перехода от традиционного общества “к современному”, т.е. обществу с высоким уровнем социальной, политической и экономической дифференциации, обществу с элементами “правовой государственности”, обществу перманентной коллективной и индивидуальной эмансипации. В России же организация формально европеизированного корпуса бюрократии отражала стремление верховной власти получить еще больший контроль над обществом, т.е. стремление антиэмансипационное по своему содержанию.

Подобную же позицию, но относительно современного положения России как страны третьего мира, занимает А.М.Чешков. Отмечая, что основные черты развивающихся стран, относящихся к третьему миру, складываются из отсталости (в первую очередь технологической), социальной аморфности, зависимости и периферийности в мировом общественном разделении труда, этот автор пишет: “В новой России тьермондизм возникает в совокупности своих классических черт, что позволяет предполагать рождение здесь нового — второго — издания третьего мира”¹⁷.

Различные точки отсчета в анализе развития России дают неоднозначные интерпретации современных путей ее модернизации, что находит воплощение в социальных проектах.

Полюсами предлагаемых проектов являются:

1. Модель открытой миру экономики, в которой экономический рост должен явиться результатом высокого уровня конкуренции на мировом рынке (форсированный внешний вызов).
2. Закрытая экономическая система с высоким уровнем государственного вмешательства в хозяйство с целью развития отечествен-